

Топорков Алексей Константинович

**Элементы диалектической
ЛОГИКИ**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А47

А47 **Алексей Константинович Т.**
Элементы диалектической логики / Топорков Алексей Константинович – М.: Книга
по Требованию, 2024. – 160 с.

ISBN 978-5-519-77327-0

ISBN 978-5-519-77327-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Нельзя идти от конкретного, никак не упорядоченного: на этом пути мы встретили бы ряд непреодолимых преград. Однако и путь от самых общих принципов к конкретному делает изложение самих этих принципов затруднительным. Поэтому противоречие, например, окончательно разъясняется в главе о конкретности мысли, и первое определение противоречия носит предварительный общий характер.

Небольшой объем работы требовал весьма тщательного отношения к выбору вопросов и тем.

В современной логике обычно в центре стоит учение о суждении. В элементах диалектической логики эта глава опущена совсем, хотя вполне возможно было бы воспользоваться учением Гегеля и теми указаниями, которые делает о суждении в своей книге о «Диалектике природы» Энгельс.

Однако легко видеть, что диалектическое учение о суждении теснейшим образом связано с учением о понятии и с учением о выводе. Только после разъяснения этих основных вопросов можно перейти к учению о суждении. Суждение нельзя понимать как самостоятельный акт: в этом ошибка современной логики; реальное суждение имеет обоснование, оно не может производиться без «опосредствования».

Нет также в «Элементах» и главы о качестве и количестве. На первый взгляд это большой и существенный пропуск. Переход количества в качество характеризует диалектический метод, однако и эту главу необходимо было выпустить. Очень легко дать ряд конкретных, наглядных примеров подобного перехода, но весьма трудно осветить вопрос методологически. В его трактовке пришлось бы касаться таких проблем, как прерывность и непрерывность в современной математике и естествознании.

Вообще выявить систему категорий материалистической диалектики — задача весьма трудная и отнюдь не элементарная; трактовать же об отдельных категориях — только о качестве и количестве — было бы недиалектично: самый существенный вопрос учения о категориях есть вопрос об их взаимной связи.

Что касается самого изложения, то автор не стремился писать об элементах элементарно. В данном случае элементарное изложение может скорее затруднить, чем облегчить усвоение. В этом смысле диалектика походит на математику: чем более строго определяет основные понятия, например

предела, непрерывности и т. д., тем легче усваиваются теоремы. Углубляя диалектические проблемы, мы приходим к их диалектическому разрешению. В то же время нужно было остерегаться сухого педантизма. Удалось ли автору соблюсти здесь нужную меру, — труднее всего судить об этом самому автору.

ПРОТИВОРЕЧИЕ.

I. Законы мышления.

Наиболее заметным образом диалектика отличается от обычных методов рассуждения тем, что она вводит, как правомерный методологический принцип, противоречие. Это наиболее бросающееся в глаза отличие диалектики: в самом деле, обычно, когда мы сталкиваемся с противоречием, при чтении ли книги или в рассуждениях чужих или даже своих собственных, мы невольно думаем, что вопрос разработан недостаточно, что есть в нем какая-то путаница и неясность. И обратно: когда мы встречаем рассуждения, вполне согласованные, когда мысли, как говорят, вытекают одна из другой, когда нет в них никакого противоречия, тогда мы невольно убеждаемся этим способом рассуждения; отсутствие противоречий служит для нас подтверждением их достоверности.

Поэтому решительное утверждение диалектики, что «противоречие двигает мир», кажется совершенно несовместимым с здравым смыслом, не говоря уже о более суровых требованиях к точности со стороны научной мысли.

Поэтому необходимо прежде всего добиться ясности в этом вопросе. Однако осветить его в достаточной полноте—довольно сложная задача. Обычно, когда хотят ответить на вопрос, что такое противоречие, — приводят три так называемых закона мысли: закон тождества, закон противоречия и закон исключенного третьего. Однако нужно признать, что формулировка этих основных законов у различных логиков различна, различен также и смысл и значение, которое им приписывают, притом различия в понимании и в оттенках понимания порой весьма тонкого рода. Полный разбор обширной литературы, сюда относящейся, завел бы нас слишком далеко.

Для первоначального ознакомления достаточно наметить самые общие очертания этих законов; в дальнейшем, с про-

движением вглубь проблемы, мы мало-по-малу выясним себе и некоторые существеннейшие различия в ее понимании и трактовке.

Обычно закону тождества дают формулировку: A есть A , треугольник есть треугольник, и этой тавтологической и потому бессмысленной формулировкой хотят сказать, что всякая мысль должна быть тождественна сама с собой, сколько бы раз она ни повторялась и в связи с какими бы мыслями она ни встречалась в нашем сознании. Различные слова выражают ту же самую мысль, различные формулы — одно и то же число, например: $5 + 8$, $16 - 3$; мы можем мыслить и судить только в том случае, если в расплывчатых, меняющихся наших представлениях мы обретаем постоянный предмет мысли; наше мышление было бы невозможно, если бы мысля понятие во второй, третий и т. д. раз и в связи то с одним, то с другим понятием, мы не относились к нему, как к тому же самому понятию, т.-е. не отождествляли бы его с самим собой.

■ Я старался придать моим словам наибольшую общность и комбинировал в только что сказанном некоторые положения, высказанные о законе тождества наиболее популярными у нас логиками: Минто, Введенским, Зигвартом. Однако приходится признать, что эти формулировки все же глубоко недостаточны. С ними, с одной стороны, трудно не согласиться, но также трудно их и признать в целом. Они производят впечатление чего-то недосказанного; конечно, если предмет мысли меняется всякий раз, когда я к нему возвращаюсь, то мышление как будто становится невозможным. Предположим, я думаю или говорю о законе инерции. Предположим, что содержание этого закона теряет всякую устойчивость, постоянство и тождество; тогда невольно должен возникнуть вопрос, о чем, собственно, я думаю, каков предмет моих мыслей. В каком-то смысле тождество действительно является условием мышления. Но, с другой стороны, можно ли принять всецело формулу « A есть A »? Разве моя мысль, работая над одним и тем же предметом, сама не становится другой? Ведь есть прогресс в познании, есть изменения и движения в мысли; новые связи, новые отношения, в которых я рассматриваю предмет, освещают его всякий раз с новой стороны, и потому и сам предмет мысли становится новым, он

существенно меняется. Вот трудность формулировки закона тождества. Я обращаю на эти трудности заранее внимание читателя, потому что в дальнейшем к ним еще придется вернуться.

Обратимся к закону противоречия. Обычно этому закону дают двоякую формулировку: A не есть не- A , или A не есть одновременно B и не- B . Однако обе формулировки вызывают весьма существенные возражения. Если мы примем первую формулировку, то нам будет неясно, чем по существу эта формула отличается от формулы закона тождества: « A есть A ». Ведь она дает как будто то же самое содержание, только в отрицательной формуле. В самом деле, предположим, что я ошибся, применяя закон тождества; тогда моя ошибочная мысль пойдет по формуле « A есть не- A »; предположим, я заметил мою ошибку и исправил ее, тогда я скажу себе: « A не есть не- A », то-есть я вернусь к той же формуле тождества, но только путем отрицательным. Нужно заметить, что некоторые логики действительно не делают различия между законом тождества и законом противоречия; напротив, другие подчеркивают их различие.

Возьмем другую формулу: « A не есть одновременно B и не- B ». Эта формулировка явно ошибочна и во всяком случае зависит от смысла, который я придаю понятию «не- B ». Обычно в логике под «не- B » понимают все, что угодно, за исключением « B ». Если, например, « B » будет обозначать «добрый», то «не- B » может обозначать «белый», «образованный» или даже «стул», «карандаш», — одним словом, все, что различается от термина «добрый». Но если это так, то можно смело утверждать, что всякая мысль идет по формуле « A есть B и не- B »: я могу сказать, не впадая ни в каких противоречия, что данный человек (имя рек) добрый (B) и образованный (не- B).

С формулами закона противоречия в различных школьных логиках обстоит далеко не благополучно: поэтому лучше всего оставить эти формулы в стороне. Само противоречие нас не может здесь не интересовать. Диалектическая логика должна выявить свою позицию по отношению к проблеме противоречия. В чем заключаются требования мысли, которые выражаются в законе противоречия?

Лучше всего мы сделаем, если, минувя современных логиков, осознаем учение о противоречии Аристотеля, который первый дал выражение этому закону. Рассмотрение взглядов Аристотеля на противоречие важно в том отношении, что оно показывает, из каких соображений, достаточно, как мы сейчас увидим, глубоких, родились эти формулировки, ныне столь опустошенные формальной логикой.

Но, чтобы покончить сначала с обычными формулами так называемых законов мышления, остановимся еще на законе исключенного третьего, который является непосредственным дополнением к закону противоречия. Обычно говорят: «*A* может быть *B* или не-*B*», т.-е. можно или утверждать или отрицать одну и ту же мысль, ничего третьего быть и не может. С высказанною мыслью я могу или согласиться или не согласиться, если я согласен с ней отчасти, то это значит, что с ней в той форме, в которой она дана, я не согласен, и в этом случае нужно договориться, в чем именно я согласен и в чем не согласен.

В обычных спорах часто можно наблюдать, что спорщики оба не правы. Если один из собеседников говорит, что занятия физкультурой вредны, а другой утверждает, что занятия физкультурой полезны, то оба собеседника могут оказаться неправыми, ибо в известных случаях занятия физкультурой действительно приносят лишь вред, а в известных случаях они полезны. Здесь действительно есть нечто третье, но закон противоречия имеет в виду иное: отрицание значит простое несогласие с данной определенно выраженной мыслью, всякие дополнения и ограничения, которые я ввожу, означают уже несогласие: ртуть упруга или не упруга, — с этим я могу согласиться или не согласиться.

Несмотря на видимую убедительность этого «закона», он вызвал не меньшее число возражений, чем закон противоречия. В самом деле, неужели логика требует, чтобы я признал непременно, что Сократ или сидит на стуле или не сидит, когда я знаю заведомо, что Сократ давно умер, и о нем невозможно сказать ни того, что он сидит, ни того, что он не сидит, раз он вообще не существует. Но самое главное, конечно, возражение против применимости закона исключенного третьего возникает тогда, когда мы имеем так называемые переходные случаи, в которых трудно отграничить

А от не-А: если у человека мало волос, тогда нельзя его называть лысым, но трудно сказать, что он не-лыс. На этом, как мы увидим в дальнейшем, построены аргументы Зенона против движения, с которыми нам еще придется встретиться.

II. Тожество и движение.

Закону противоречия Аристотель дает следующую формулировку: «Ничто не может одновременно и в одном и том же отношении быть и не быть» (таков смысл формулировки Аристотеля; точный перевод в настоящем случае нас не может интересовать). Этот закон Аристотель считает основным и потому недоказуемым: всякое доказательство уже предполагало бы его, как необходимое условие своей истинности. Этот закон поэтому нельзя доказать, можно лишь показать, что все, кто пытается строить какое-либо доказательство или кто стремится высказать какую-нибудь мысль, уже применяют этот закон, ибо, нарушив его, ничего нельзя высказать, ничего нельзя мыслить.

Если мы высказываем какую-нибудь мысль, то мы ее обозначаем определенными словами. В этом смысле мы уже предположили закон противоречия, так как, если мы назвали определенный предмет словом «человек», то это слово должно отличаться по своему смыслу от другого слова, от всяких других значений, от «не-человека»; если мы не станем соблюдать этого элементарного правила, тогда все будет обозначать одно и то же; любое слово может сопрягаться с любым смыслом, т.-е. все слова будут равно бессмысленны, и ничем, по существу, не будут отличаться одно от другого.

Если мы допустим нарушение закона противоречия, то тогда все утверждения будут в одинаковой степени истинными. Истинным будет утверждение, что Сократ человек, и столь же истинным будет утверждение, что он «не-человек». Ведь ложным мы называем то, что противоречит и несовместимо с тем, что мы считаем истинным, но если закон противоречия признается недействительным, тогда мы ложное должны утверждать на том же основании, что и истинное. При нарушении закона противоречия нет различия между истиной и ложью.

К тому же результату, только несколько иным путем, мы придем если будем отправляться от отрицания закона исклю-

ченного третьего: в этом случае все в одинаковой степени должно стать для нас ложным. Ведь тот, кто не считается с законом исключенного третьего, отрицает в равной мере и положение, что «*A* есть *B*», и что «*A* не есть *B*». Для него все становится ложным, и, следовательно, снова мы не получаем фундаментального различия между истиной и ложью.

Крайне любопытно, что эту аргументацию Аристотеля повторил почти дословно Гартман в своей полемике против диалектического метода Гегеля (Hartmann. «Ueber die dialectische Methode»).

Всякая критика в последнем основании своем, рассуждает Гартман, сводится к указанию и обнаружению противоречий. будут ли то противоречия с принципами или с фактами; все полагают, что, где обнаружены противоречия, там находится ошибка. Признание закона противоречия является минимумом для возможности теоретического спора. Однако диалектик считает это требование только предрассудком формальной логики.

В саморазвивающемся понятии полагается *A* столь же, как и не-*A*, т.-е. полагается противоречие; поэтому, по мнению Гегеля, все вещи противоречат себе; во всех представлениях, понятиях и идеях противоречие существенно и необходимо. Спор с диалектиками становится невозможным, ибо они отрицают самый принцип достоверности, отсутствие противоречия между мыслями и фактами.

Аргументация Аристотеля сохраняет свою силу вплоть до нашего времени. Аристотель развивает свое учение о противоречиях в полемике против учеников Гераклита, который учил, что все находится в вечном изменении и движении.

Действительно, ранняя греческая философия до Сократа являет собой пример примечательного диалектического мирозерцания. Не только у Гераклита можно видеть утверждение противоречия, как движущей силы, учение о противоположностях, которые производят всякое явление, но и у его принципиальных противников — элеатов — мы находим непревзойденные образцы диалектики, показывающей, что всякое движение таит в себе противоречие. В этом смысле справедливо считают образцовыми так называемые софизмы или апории (затруднения) Зенона Элейского.

Аргументы Зенона софизмами могут быть признаны только с большими оговорками. Нужно признать, что сами эти аргументы никем еще не были опровергнуты, софистичным является лишь вывод, который делал Зенон. Его заключение гласит, что раз движение противоречиво, то оно не может существовать в действительности, в подлинной мере, что, следовательно, бытие неподвижно.

Летящая стрела в каждый данный миг находится в каком-нибудь определенном месте А или в каком-либо другом месте, ибо нигде она находится не может, говорил Зенон и отсюда заключал, что стрела не двигается ни в первом случае, ни во втором случае и, следовательно, нельзя вообще мыслить стрелу двигающейся.

Это рассуждение весьма наглядно показывает, что про летящую стрелу вообще нельзя сказать, что она находится в данном определенном месте, в точке А; стрела летит, следовательно, она находится в данном месте и не находится, движение стрелы своим собственным движением отменяет закон противоречия и закон исключительного третьего.

Эти аргументы Зенона до настоящего времени являются неопровергнутыми. В современной логике и математике снова обсуждаются те же проблемы, которые интересовали Зенона, и решения, к которым приходят современные логики, весьма близки к «софизмам» этого античного диалектика.

Только формулировка изменилась, суть же осталась прежняя. Энергия мысли Аристотеля направлена на то, чтобы сочетать возможность мыслить движение и в то же время мыслить его в определенных, не расплывчатых понятиях, т.-е. сочетать движение мысли с определенностью мысли.

Нас здесь не могут интересовать решения, которые предлагал Аристотель: я хотел только, ссылаясь на его рассуждения, показать возникновение основной проблемы диалектики и в то же время указать, откуда возникли популярные формулы так называемых законов мышления.

Эта полемика Аристотеля против учеников Гераклита любопытна не только потому, что она рисует возникновение первых формулировок логики; эта полемика приобретает особый смысл в связи с мыслями Энгельса, высказанными в введении к «Анти-Дюрингу».

Энгельс говорит, что для теоретической мысли, с первых шагов ее пробуждения, действительность должна была давать картину «бесконечного сплетения соединений и взаимодействий, в котором ничто не сохраняет своего первоначального характера, места и положения, но все движется, изменяется, возникает и исчезает. Первоначальное, по существу правильное, воззрение на мир мы имеем в древне-греческой философии; так у Гераклита мы находим учение о вечном течении всего сущего, все существует и в то же время не существует, все находится в вечном изменении, возникновении и исчезновении, уничтожении. Но это воззрение, хотя и охватывает общий характер всей картины явлений, было недостаточным. Оно не давало ясной картины, оно не было в состоянии объяснить отдельных частных, не было достаточной глубокой проникновенности в предмет анализа явлений».

Критика этого первоначального наивного материализма древне-греческой мысли у Энгельса весьма примечательна и в то же время она обрисовывает положительные задачи материалистической диалектики. «Чтобы познать эти частности,—пишет Энгельс,—мы должны извлечь их из естественной или исторической связи и исследовать каждую порознь, в их свойствах, в их специальных причинах и следствиях».

Положительная наука могла дать прочные результаты только после анализа и расчленения пестрой и изменчивой картины мира. «Разложение природы на ее составные элементы, выделение различных естественных явлений и предметов в определенные классы, внутреннее исследование органических тел в их разнообразных анатомических формах,—все это было основным условием того гигантского прогресса, который принесли последние четыре столетия в деле изучения природы».

Однако этот прогресс был в то же время и регрессом, аналитическая мысль потеряла связь с целым, первоначальное наивное, некритическое, но, по существу, верное воззрение было утрачено.

«Метод исследования породил специфическую ограниченность последних столетий метафизический образ мышления» (курсив мой).